

Перспективы этического когнитивизма

© Н.Н. Губанов^{1,2}, Н.И. Губанов³, А.Э. Волков³

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125993, Россия

³Тюменский государственный медицинский университет,
Тюмень, 625023, Россия

Исследован главный морально-теоретический вопрос: как могут быть обоснованы моральные нормы и возможно ли сформулировать правило, позволяющее достичь в практических дискуссиях принципиального согласия, базирующегося на аргументах? Рассмотрены логические основания принципа Д. Юма и проанализированы его важнейшие методологические следствия. Представлены различные способы обоснования оценочных суждений. Отмечена понятийная дихотомия «когнитивизм — некогнитивизм». В рамках когнитивистского подхода рассмотрена этика дискурса, разработанная Ю. Хабермасом. Выявлено важнейшее отличие формалистских универсалистских начинаний И. Канта и Дж. Ролза от этики дискурса. Проанализированы основные положения и принципы программы обоснования этики дискурса, предложенной Хабермасом. Указаны главные преимущества этого подхода по сравнению с предыдущими попытками оправдать этику дискурса, а также перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: наука, методология науки, методологическая традиция, методологическая культура ученого

Как известно, Дэвид Юм настаивал на невозможности чисто логического перехода от предложений со связкой «есть» к предложениям со связкой «должен». Эта идея получила название принципа или закона Юма. М. Блэк показал, что Юм не привел достаточно убедительных аргументов в пользу своего положения. Он просто апеллировал к тому, что утверждение, выражаемое посредством «должен», явно отлично от утверждения, выражаемого посредством «есть» [1]. Выявим логические основания принципа Юма, способы, которыми его можно подтвердить, а также важнейшие методологические следствия.

С одной стороны, есть дескриптивные (описательные) суждения, они относятся к миру сущего, принимают истинностное значение «истина/ложь», говорят о фактах. Например, суждение «Эта доска зеленая». Можно посмотреть на эту доску и удостовериться в том, что она действительно зеленая. С другой стороны, существуют нормативные (прескриптивные, предписательные) суждения, они относятся к миру должного, не принимают значения истина/ложь, но могут быть эффективными или нет в отношении достижения какой-

либо цели, говорят о ценностях, целях, нормах. Например, суждение «Доска должна быть вымыта начисто». Для преподавателя, который пришел в аудиторию вести занятие после предыдущего, это необходимо, а преподавателю, который демонстрирует написанное на доске студентам, это испортит занятие.

В случае описательных суждений человек отталкивается от реальности и проверяет, насколько ей соответствует его суждение о ней, в зависимости от чего суждение объявляется истинным или ложным; в случае нормативных суждений человек отталкивается от своего суждения (представления) о должной реальности и сравнивает с ней имеющуюся реальность, в зависимости от чего реальное положение дел объявляется хорошим или плохим, соответствующим каким-либо ценностям или нет, подлежащим исправлению или нет и т. д. Таким образом, в первом случае мысли, чтобы быть истинными, подгоняются под реальность (реальность первична), во втором случае реальность, чтобы быть «хорошей», подлежит приведению в соответствие с мыслями (представления первичны). Это два разнонаправленных модуса употребления языка. Они существуют благодаря тому, что сознание имеет две стороны — отражательную, состоящую в воспроизведении сущего, и проективную, заключающуюся в моделировании должного.

Отечественный логик А.А. Ивин приводит два аргумента в поддержку принципа Юма. Первый аргумент связан с тем, что все предпринятые попытки опровергнуть этот принцип провалились. «К принципу Юма были предложены многочисленные контрпримеры, в которых из посылок, кажущихся чисто описательными, дедуктивно выводилось оценочное (нормативное) заключение. Однако более внимательный анализ показал, что ни одно из предлагавшихся в качестве контрпримера умозаключений не достигало своей цели: или его посылки содержали неявную оценку (норму), или между посылками и заключением отсутствовала связь логического следования» [2, с. 187]. Более интересен второй, теоретический аргумент, разводящий описания и оценки как два противоположных способа использования языка: «Описание должно соответствовать миру; задачей оценки является в конечном счете приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи несводимы друг к другу. Очевидно, что если ценность истолковывать как противоположность истины, поиски логического перехода от “есть” к “должен” лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой» [2]. Итак, моральные нормы невозможно обосновать прямыми ссылками на факты.

Люди привыкли доверять мнению всякого рода научных экспертов. И это вполне понятно ввиду значительных достижений совре-

менной науки. Рекламщики, политики, идеологи всех мастей и прочие акторы, желающие манипулировать общественным сознанием, используют эту привычку в своих целях. Они сознательно нарушают принцип Юма, опуская в умозаключении какую-либо нормативную посылку, чтобы навязать выгодный им способ поведения, и оставляют только дескриптивную, наукообразную посылку, из которой имплицитно выводят выгодную им норму. Приведем упрощенный в целях наглядности пример. Пусть некий политик говорит: «Моя программа увеличит национальный доход на 2 %. Следовательно, моя программа должна быть принята». Это логически ошибочное умозаключение. Первое суждение — дескриптивное. Предположим, что оно истинно, т. е., по подсчетам экономистов, программа действительно повысит национальный доход на 2 %. Но заключение — нормативное суждение со связкой «должна». А по закону Юма, только из дескриптивных суждений нельзя вывести нормативное. Поэтому правильное умозаключение должно иметь вид:

- 1) моя программа повысит национальный доход на 2 %;
- 2) все программы, которые повышают доход, должны быть приняты;
- 3) следовательно, моя программа должна быть принята.

Итак, людям навязали пропущенную нормативную посылку 2. А готовы и желают ли они ее принять? Например, программа предлагает прекратить выплачивать пенсии или вообще физически ликвидировать пенсионеров. Когда народ подводили к принятию сокрытой нормы, ему не оставили возможности осмысленно принять демократическим путем решение. Таким образом, демократия замещается властью экспертов. И это происходит повсеместно. Достаточно присмотреться к рекламам, выступлениям политиков и т. д., начинающимся со слов «учеными доказано...», «по мнению экспертов...», а заканчивающимся навязыванием определенных стандартов жизни и поведения. Следует иметь в виду, что существуют вопросы фактов, в суждениях о которых конечной инстанцией являются эксперты, а есть вопросы ценностей и целей, где конечной инстанцией являются сами люди.

Закон Юма дискредитирует такие этические теории, которые обосновывают нормы морали, выводя их из каких-либо реалий внешнего мира: законов природы, направления эволюции, объективного хода истории и т. п. Предположим, в истории существует необходимость в переходе от одного этапа развития общества к другому. Это вовсе не означает, что индивид обязан содействовать исторической необходимости и всячески ее ускорять. Из социологических законов логически не следуют нормы морали, точно так же как из природной необходимости всего живого умирать не следует морального долга способствовать этому исходу. Сведение нравственности к природной

или исторической необходимости методологически несостоятельно. Иногда утверждается, что в силу принципа Юма этика не способна перейти от наблюдения моральной жизни к обоснованию моральных норм, и так как все системы этики не опираются на факты, то они автономны и равноценны. По мнению А.А. Ивина, хотя закон Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен.

«Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических посылок к оценочным или нормативным заключениям. Конечно, обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение методологических проблем обоснования этики, точно так же как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предвещает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания. Научные законы не вытекают логически из фактов, но это не значит, что опыт для них безразличен» [2, с. 188]. Действительно, переход от эмпирического уровня науки к теоретическому не является логическим выводом, это всегда скачок в неизвестность, связанный с тем, что научный закон имеет дуальную описательно-оценочную природу. Он не только обобщает известные факты, но и выступает критерием оценки новых компонентов науки. Например, сначала законы сохранения выступали как описания существующего положения дел, но после того, как эти законы получили статус фундаментальных, они стали критерием оценки новых гипотез, отбраковывая те, которые им не соответствуют [3].

Конечно, двойственность научных законов (наличие в них нормативного компонента) не делает какую-либо науку автономной и не зависящей от эмпирического материала. В социально-гуманитарных науках и повседневной жизни описательно-оценочные утверждения встречаются еще чаще, здесь размывается граница между чистыми описаниями и оценками, и принцип Юма лишается своей ясности, делая необходимым дополнительный логический анализ. По закону Юма, оценки должны обосновываться совершенно иначе, чем описания. Он только ограничивает способы аргументации нормативных суждений, но не исключает самой возможности их обоснования.

Так, А.А. Ивин выделяет следующие виды обоснования оценочных суждений:

1) квазиэмпирическое обоснование: различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки и заключения, также являющиеся оценкой (неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, использование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др.);

2) теоретическое обоснование: дедуктивное (выведение обосновываемого оценочного суждения из других, ранее принятых с помощью

законов логики, учитывающих своеобразие оценок и норм и сформулированных в деонтической логике и логике оценок), системная аргументация (выведение оценок путем их включения в хорошо обоснованную систему оценочных суждений), демонстрация совместимости предполагаемой оценки с другими принятыми оценками, методологическое обоснование (ссылка на то, что оценка получена с помощью метода, уже неоднократно показавшего свою надежность) и др.;

3) контекстуальное обоснование: аргумент к традиции, аргумент к авторитету, аргументы к интуиции и вере, аргумент к вкусу и др. [2].

Итак, принцип Юма логически совершенно справедлив, но означает ли это, что следует вслед за Юмом отказать разуму в способности разрешать моральные проблемы? К подобному выводу пришел, например, А. Макинтайр, который констатировал, что проект Просвещения, вознамерившийся обосновать мораль, автономную от метафизических и религиозных предпосылок, провалился. По мнению Макинтайра, руководствующийся целевой рациональностью инструментальный разум не в состоянии полагать сами цели и вынужден предоставить эту задачу чувственным установкам и предпочтениям [4]. Со времен Канта этому мнению противостоят когнитивистские этики, которые в том или ином смысле признают за моральными вопросами «истинностный смысл» и полагают моральные нормы видами знания, «когнициями». В противоположность им некогнитивисты полагают, что если характеристика истинности или ложности неприложима к моральным понятиям, то в этике нет предмета, способного служить объектом знания. «Сама понятийная дихотомия “когнитивное — некогнитивное” применительно к этике первоначально была сформулирована представителями одной из метаэтических школ — эмотивизма; они утверждали, что моральные высказывания не являются когнитивными, т. е. ничего не сообщают о своем объекте, а лишь выражают позитивные или негативные эмоции говорящего в отношении объекта, о котором идет речь» [5, с. 31].

Монументальной фигурой когнитивизма выступает Кант. В русле этой традиции развивали свои взгляды К. Байер, М.Г. Сингер, Дж. Ролз, П. Лоренцен, Э. Тугендхад, К.-О. Апель, Ю. Хабермас. Все они пытались подвергнуть анализу условия беспристрастного обсуждения моральных вопросов, которое тем не менее опиралось бы на какие-либо надежные основания. По мнению авторов статьи, следует отдать предпочтение именно когнитивистскому началу, а в рамках него — так называемой этике дискурса в формулировке Хабермаса. Далее будем противопоставлять этику дискурса другим когнитивистским и некогнитивистским подходам.

Начнем с постановки базового для когнитивизма вопроса о смысле моральной истинности. Для того чтобы не отождествлять норматив-

ные и дескриптивные высказывания, будем использовать выражение «нормативная правильность». Исходим из предположения, что наряду с притязанием на истинностную значимость может существовать притязание на нормативную значимость, которая обосновывается иным способом. Тогда теряют силу традиционные аргументы моральных скептиков. «Аргументация скептиков и некогнитивистов строится на том умозаключении, что в этической теории нет места прямому эмпирическому исследованию, поскольку этические факты не похожи на объекты, изучаемые науками. В науке выбор в пользу той или иной теории мы делаем на основе наблюдения, которое сообщает нашим суждениям высокую степень объективности» [6, с. 131]. Следовательно, нужно наметить пути решения вопроса о том, в каком смысле и каким способом могут быть обоснованы моральные нормы.

Предположим, что можно привести такие веские основания моральных норм, которые будут отличны как от обоснования дескриптивных суждений посредством верификации и фальсификации, так и от простого изъявления своих субъективных чувств, предпочтений и намерений. Если это предположение окажется верным, то тогда можно критиковать:

1) такие когнитивистские этики, как дефинитивные теории метафизического типа и интуитивистские ценностные этики за то, что они понимают нормативные предложения по ложному образцу дескриптивных предложений;

2) такие некогнитивистские этики, как эмотивизм, императивизм, децизионизм и прескриптивизм за то, что они понимают нормативные предложения по ложному образцу экспрессивных, императивных, а также предложений, выражающих намерения или цели.

Приведем примеры такой критики. Интуитивизм приравнивает нормативные суждения к дескриптивным предикативным суждениям типа «Этот стол желтый». Дж.Э. Мур подробно изучил, в каком отношении находятся предикаты «хороший» и «желтый». Согласно его точке зрения, оценочные предикаты выражают неестественные свойства, которые, подобно ощущению материальных свойств, приобретаются в идеальном созерцании и абстрагировании от идеальных объектов. По Муру, истинность интуитивно прозрачных нормативных суждений может обосновываться косвенно [7].

Переводя нормативные высказывания в дескриптивные, Мур ошибается. Рассмотрим предложения:

- (1) «Этот поступок хороший»;
- (2) «Этот стол желтый».

Хотя они внешне похожи, но когда предикату «хороший» приписывается смысл и значимость «морального одобрения», то ярко проявляется различие. Эти выражения передаются разными метаязыковыми формулировками:

(3) Правильно, что «*a*» (предписано «*a*»);

(4) Истинно, что «*b*» («*b*» имеет место).

Здесь «*a*» обозначает «этот поступок хороший» (в данной ситуации следует поступать именно так), а «*b*» обозначает «этот стол желтый». Метаязыковые формулы (3) и (4) эксплицитно выражают притязания на значимость, имплицитно находящиеся в (1) и (2). По структуре формул (3) и (4) очевидно, что, исследуя способы приписывания и отрицания предикатов (находящиеся внутри «*a*» и «*b*»), человек не приближается к объяснению притязаний на значимость, передающихся посредством фраз «правильно» и «истинно» (находящихся снаружи от «*a*» и «*b*»). Итак, «правильность» — это не качество. Когда человек спрашивает, какой поступок лучше, он спрашивает не о качестве, а об основаниях, исходя из которых следует сделать то, а не иное.

После неудачи этического объективизма Мура со стороны субъективистов поступила инициатива вообще отрицать у практических вопросов что-либо подобное истинностному смыслу. На смену интуитивизму Мура пришел эмотивизм А.Дж. Айера и Ч. Стивенсона, «указавших на относительность любых этических суждений, которые в отсутствие контекста лишены какого-либо смысла... все оценочные суждения, в том числе моральные, представляют собой выражения предпочтения, установки или чувства» [8, с. 49]. Главная проблема субъективизма заключается в объяснении приемлемым образом повседневных моральных интуиций, выражающихся в том, что в жизненном мире люди всегда дискутируют о практических проблемах так, как будто их можно разрешить, приводя те или иные основания. Нонкогнитивисты называют человеческое убеждение в возможности обоснования моральных норм фантомом.

Вернемся к предположению о том, что в моральной сфере могут быть найдены веские основания для обоснования норм. Важный тезис нонкогнитивистов состоит в демонстрации того факта, что в жизни моральные споры редко получается урегулировать безоговорочно. Если будет обнаружен принцип, позволяющий достичь согласия в практических спорах, то данный аргумент скептиков утратит убедительность. В практических дискурсах обсуждается не истинность дескрипций, не искренность экспрессивов, не благовидность лингвистических построений, а исключительно нормативная правильность: является ли это действие правильным в моральном плане.

В теоретическом дискурсе мостом между единичными наблюдениями и общими теориями служит индукция. Подобный связующий принцип необходимо найти для практического дискурса. В попытках сформулировать моральный принцип, который в роли правила аргументации выполнял бы такую же функцию, как индукция в дискурсе

опытных наук, все когнитивистские этики исходят из интуиции, выраженной Кантом в категорическом императиве. Основополагающая идея здесь заключается в принятии неличностного или всеобщего характера действенных моральных норм, которые должны выражать всеобщую волю. Исследуем одно из наиболее интересных когнитивистских начинаний.

Джон Ролз рассматривает центральные идеи и цели своей теории справедливости «в качестве основы философской концепции конституционной демократии» [9, с. 8]. Свою теорию Ролз начинает с обсуждения так называемой изначальной позиции. Это гипотетическая ситуация, в которой никто не знает своего места в обществе, социального статуса, а также какие ему достались природные задатки, интеллектуальные способности, силы, здоровье. «Я даже предположу, что стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей. Принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» [9, с. 26]. Поэтому Ролз называет свою теорию «справедливость как честность». Он считает данную теорию обобщением до более высокого уровня абстракции теории общественного договора в том виде, как она сформулирована у Локка, Руссо и Канта. Изначальная позиция соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора и служит эвристическим приемом, который вынуждает каждого рационального и свободного актора выбирать принципы всеобщей справедливости.

«Я утверждаю, что лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и, в частности, для менее преуспевающих членов общества» [9, с. 28]. Может показаться, что второй принцип похож на принцип утилитаризма, но Ролз — антиутилитарист. Следующая цитата однозначно это демонстрирует: данные «принципы исключают обоснование институтов теми соображениями, что трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но несправедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах,

заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение. Интуитивная идея здесь заключается в следующем: так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже. Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением» [9, с. 28, 29]. Изложение своей теории Ролз выстраивает на основе постоянного противопоставления классическому утилитаризму Г. Сиджвика и интуитивизму.

Хабермас выдвигает следующее серьезное возражение против попыток, подобных предпринятым Кантом и Ролзом, сформулировать принципы, которые допускали бы монологическое употребление. Они придали такого рода операциональность точке зрения беспристрастности, что любой человек может в одиночку обосновать моральные нормы. По мнению Хабермаса, «задачи, которые должны быть разрешены в дискуссиях по вопросам морали, не поддаются монологическому решению, а требуют совместных усилий. Вступая в моральную дискуссию, ее участники развертывают в рефлексивной установке свои коммуникативные действия с целью восстановления нарушенного консенсуса... Только процесс достижения intersubъективного взаимопонимания может привести к согласию, рефлексивному по своей природе: только тогда его участники смогут осознать, что они совместными усилиями друг друга в чем-то убедили» [10, с. 106].

Хабермас вполне справедливо предлагает переформулировать категорический императив Канта следующим образом: «Вместо того чтобы предписывать всем остальным в качестве обязательной некую максиму, которую я хотел бы сделать всеобщим законом, я должен предложить свою максиму всем остальным для дискурсивной проверки ее притязания на универсальность. Акцент при этом перемещается с того, что каждый (в отдельности) может, не встречая возражений, желать в качестве всеобщего закона, на то, что все, в согласии друг с другом, желают признать в качестве универсальной нормы» [10, с. 107]. Он совершенно прав в том, что только реальное участие в дискурсе каждого причастного индивида поможет избежать искажений в трактовке другими участниками дискурса его собственных интересов. Всякий субъект должен стать собственным судьей для размышления о том, в чем на самом деле состоит его интерес.

Следовательно, Хабермасу нужно сформулировать связующий моральный принцип, обеспечивающий достижение согласия в моральных спорах и притом не допускающий его монологического использования, а содержащий в себе перспективу реального проведения моральных дискуссий, к которым допускались бы все заинтересованные

лица, и задающий правила таких дискуссий. Хабермас решает эту задачу, вводя принцип универсализации **U**. «Всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования)» [10, с. 104].

Далее перед Хабермасом встает проблема обоснования принципа **U**. Как помним, Кант в той степени, в которой не апеллировал просто к «факту разума», оправдывал категорический императив с помощью прескриптивно-содержательных понятий автономии и свободы воли и этим навлек на себя обвинение в совершении логической ошибки *petitio principii* (лат. «предвосхищение основания» — неявное использование вывода в качестве посылки; когда за основание доказательства принимается высказывание, истинность которого предполагает истинность тезиса). Скептики на данном этапе дискуссии обычно используют аргумент, что все попытки оправдания общезначимых моральных норм вовлекают когнитивиста в так называемую трилемму Мюнхгаузена, имеющую три одинаково плохих решения: принять бесконечный регресс, в произвольном месте оборвать цепь логического вывода, двигаться по замкнутому кругу. На этот аргумент скептиков Хабермас возражает тем, что трилемма актуальна исключительно при семантической трактовке обоснования, ориентированной на дедуктивную связь выражений. Эта дедуктивистская трактовка обоснования не дает информации о прагматических связях между аргументативными речевыми актами. Основная задача принципов индукции и универсализации состоит в преодолении логической брешы в сфере недедуктивных отношений. А самим этим связующим принципам невозможно дать дедуктивное обоснование, предполагаемое трилеммой.

Далее Хабермас предпринимает трансцендентально-прагматическое обоснование принципа **U**, исходя из всеобщих прагматических предпосылок аргументации. Здесь он опирается на исследования своего учителя К.-О. Апеля, который возродил забытое некогда измерение недедуктивных способов обоснования этических норм и обновил способ трансцендентального обоснования средствами языковой прагматики. Этот способ подразумевает анализ неотъемлемых правил аргументации, которые все люди неявно принимают и подразумевают, когда вступают в дискуссию. «Искомое обоснование предложенного морального принципа могло бы поэтому принять такую форму, когда любая аргументация, в каких бы контекстах она ни проводилась, покоится на прагматических предпосылках, из пропозиционального содержания

которых может быть выведен принцип универсализации **U**» [10, с. 129]. Таким образом, невозможно участвовать в дискуссии и при этом отрицать принцип **U**; тогда человек впадает в противоречие с самим собой. Сам факт совершения акта аргументации означает неявное принятие неустрашимых принципов аргументации, а из них имплицируется принцип **U**.

Хабермас приводит пример таких неотъемлемых прагматических предпосылок дискурса:

«(3.1) Каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе.

(3.2) а. Каждый может ставить под вопрос любое утверждение.

б. Каждый может вводить в дискурс любое утверждение.

в. Каждый может выразить свои установки, желания и потребности.

(3.3) Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах (3.1) и (3.2)» [10, с. 140].

Когда утверждается, что это неотъемлемые правила дискурса, то не имеется в виду, что в реальных дискуссиях их никто не нарушает. Их часто нарушают. Эти правила означают: когда человек осмысленно использует аргументирующую речь, он неявно их подразумевает. Данные правила представляют собой форму изложения молчаливо принимаемых и интуитивно сознаваемых прагматических предпосылок аргументации вообще. Можно отметить, что они придают смысл дискуссии.

После трансцендентально-прагматического выведения принципа универсализации из аргументативных предпосылок Хабермас *саму этику дискурса* строит на экономном положении **D**: «На значимость могут претендовать только те нормы, которые получают (или могли бы получить) одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса» [10, с. 146].

Введенные Хабермасом положения устраняют присущую до этого этике дискурса путаницу с употреблением фразы «моральный принцип». Единственный моральный принцип — это приведенный выше принцип **U**, работающий как аргументативное правило и относящийся к логике практического дискурса. Хабермас настаивает на том, что принцип **U** нужно тщательно отличать:

1) «от любых содержательных принципов или основных норм, которые могут быть лишь предметом моральной аргументации;

2) от нормативного содержания предпосылок аргументации, которые могут быть представлены в виде правил (например, правил (3.1)–(3.3));

3) от принципа **D**, основоположения этики дискурса, которое выражает основное представление теории морали, но не принадлежит к логике аргументации» [10, с. 147].

Предыдущие варианты обоснования этики дискурса некорректны, так как сводят правила аргументации к *содержаниям* и *предпосылкам* аргументации и не отличают их от «моральных принципов». Например, Р.С. Питерс и К.-О. Апель пытаются вывести основные этические нормы из предпосылок аргументации. Но основные нормы морали и права вообще не входят в сферу компетенции теории морали; они только подлежат обоснованию в практических дискурсах. Этика дискурса не снабжает людей определенными содержательными представлениями, но дает им опирающуюся на некие предпосылки процедуру, обеспечивающую непредвзятость при выдвигании суждений. Играя роль особой процедуры, практический дискурс служит для проверки действительности предложенных норм, а не для генерации готовых норм. Все содержания практических дискурсов должны быть добавлены в них извне. Именно процедурным характером этика дискурса отличается от других когнитивистских, универсалистских и формалистских этик, в частности, от теории справедливости Ролза. Любые содержания, к каким бы базовым нормам действий они ни имели отношение, должны решаться в реальных дискурсах. Теоретик морали может участвовать в них как заинтересованное лицо, при необходимости как знаток дела, но он не должен монополизировать дискурсы.

Хабермас, в отличие от Апеля, не приписывает трансцендентально-прагматическому обоснованию характер окончательного обоснования. Он квалифицирует этику дискурса как гипотетическую реконструкцию, которая может лишь более или менее корректно передавать содержание моральных интуиций. Хабермас отмечает, что некоторые шаги его анализа, например, содержащиеся в процедуре установления неотъемлемых нормативно-содержательных прагматических предпосылок аргументации вообще, заключают в себе гипотетические элементы. Он допускает, что ошибочной может быть его реконструкция того дотеоретического знания, в котором бытуют интуитивно сознаваемые предпосылки и которому он попытался придать эксплицитную форму. Остается открытым вопрос: не поменяют ли однажды познающие субъекты свой способ мышления о мире?

Дистанцирование Хабермаса от фундаментализма традиционной трансцендентальной философии, по мнению авторов статьи, ничуть не ослабляет позиции этики дискурса. Напротив, это открывает ей новые возможности получить подтверждение в деле. При таком понимании ее статуса этика дискурса может проверяться на основе конкретных случаев подобно гипотетически сформулированному

закону. Тогда этика дискурса займет адекватное место среди реконструктивных дисциплин, занимающихся проблемами познания, языка и действия. Интерпретируя эмпирически фиксируемые правовые и моральные представления, она может достойно соперничать с другими этиками. Перспективы развития этики дискурса авторы статьи видят в ее способности быть концептуально вмонтированной в различные теории развития морального и правового сознания на онтогенетическом или социокультурном уровне и таким образом получить возможность для косвенного подтверждения другими когерентными ей концепциями. Например, сам Хабермас в качестве такого подтверждения интерпретировал разработанную Лоренсом Кольбергом психологическую теорию развития морального сознания [10].

Этика дискурса в формулировке Хабермаса представляет собой самый перспективный и убедительный на данный момент когнитивистский проект, который достоин пристального изучения, развития и популяризации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Black M. The Gap between «Is» and «Should». *Philosophical Review*, 1964, vol. 73, no. 2, pp. 165–181.
- [2] Ивин А.А. *Теория аргументации*. Москва, Гардарика, 2000, 416 с.
- [3] Степин В.С. *Теоретическое знание*. Москва, Прогресс-Традиция, 2003, 744 с.
- [4] MacIntyre A. *After Virtue: A study in moral theory*. London, Duckworth, 1981, 252 p.
- [5] Максимов Л.В. О методологических дилеммах теоретической этики. *Философская мысль*, 2019, № 10, с. 31–40.
- [6] Орлова Т.А. Истина и справедливость: обоснование утилитаризма в теории морального реализма. *Вестник СПбГУ*, 2014, № 2, с. 128–137.
- [7] Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge, University Press, 1903, 232 p.
- [8] Ястребцева А.В. Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности. *Вопросы философии*, 2016, № 10, с. 47–57.
- [9] Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск, Изд-во Новосибирского университета, 1995, 535 с.
- [10] Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург, Наука, 2001, 382 с.

Статья поступила в редакцию 07.11.2021

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Волков А.Э. Перспективы этического когнитивизма. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 6.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-750>

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: gubanovnn@mail.ru

Губанов Николай Иванович — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета. e-mail: gubanov48@mail.ru

Волков Андрей Эдуардович — канд. истор. наук, доцент кафедры «Философия и история» Тюменского государственного медицинского университета.
e-mail: volkov_andrey78@mail.ru

Prospects of ethical cognitivism

© N.N. Gubanov^{1,2}, N.I. Gubanov³, A.E. Volkov³

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Finance University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

³Tyumen State Medical University, Tyumen, 625023, Russia

The study centers around the main moral and theoretical problem: how can moral norms be substantiated and whether it is possible to formulate a rule that allows reaching a principled agreement based on arguments in practical discussions. The paper considers the logical foundations of D. Hume's principle, analyzes its most important methodological consequences, introduces various ways of justifying value judgments, and notes the conceptual dichotomy "cognitivism — noncognitivism". Within the framework of the cognitive approach, we considered the ethics of discourse developed by J. Habermas and revealed the most important difference between the formalist universalist undertakings of I. Kant and J. Rawls from the ethics of discourse. Furthermore, we analyzed the main provisions and principles of the discourse ethics substantiation program proposed by J. Habermas and indicated the main advantages of this approach compared to previous attempts to justify the ethics of discourse, as well as the prospects for its further development.

Keywords: morality, metaethics, cognitivism, categorical imperative, noncognitivism, theory of justice, J. Rawls, ethics of discourse, J. Habermas

REFERENCES

- [1] Black M. The Gap between «Is» and «Should». *Philosophical Review*, 1964, vol. 73, no. 2, pp. 165–181.
- [2] Ivin A.A. *Teoriya argumentatsii* [Argumentation theory]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, 416 p.
- [3] Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 2003, 744 p.
- [4] MacIntyre A. *After Virtue: A study in moral theory*. London, Duckworth, 1981, 252 p.
- [5] Maksimov L.V. *Filosofskaya mysl — Philosophical thought*, 2019, no. 10, pp. 31–40.
- [6] Orlova T.A. *Vestnik SPbGU — Vestnik of Saint Petersburg University*, 2014, no. 2, pp. 128–137.
- [7] Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge, University Press, 1903, 232 p.
- [8] Yastrebseva A.V. *Voprosy filosofii (Problems of philosophy)*, 2016, no. 10, pp. 47–57.
- [9] Rawls J. *A Theory of Justice*. Belknap Press, an Imprint of Harvard University Press, 2nd ed., 1999, 560 p. [In Russ.: Rawls J. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk, NSU Publ., 1995, 535 p.].
- [10] Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. The MIT Press, reprint ed., 2001, 244 p. [In Russ.: Habermas J. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 382 p.].

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Professor, Department of Humanities, Finance University under the Government of the Russian Federation. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Gubanov N.I., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: gubanov48@mail.ru

Volkov A.E., Cand. Sc. (Hist.), Assoc. Professor, Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University. e-mail: volkov_andrey78@mail.ru